

Небо померкло перед глазами Жанны. Она хотела что-то сказать — и не смогла. Она оцепенела.

Герцог Алансонский, бледный, растерянный, отдавал распоряжения капитанам. Старик Монморанси, ничего не понимая, смотрел на Клермона...

Не повиноваться королевскому приказу было нельзя.

Все рушилось. Плоды невероятных усилий, гибель многих сотен людей, горение дней и недель — все было брошено, растоптано, развеяно в прах...

Королевские советники действовали со знанием дела, не оставляя ни малейших сомнений.

За несколько дней до этого у Сен-Дени по приказу Жанны был сооружен мост. Девушка оставляла его, как последнюю надежду: если бы штурм левобережья не удался, можно было попытаться перейти на правый берег и быстро нанести удар в месте, где французов не ожидали.

Теперь оказалось, что моста больше не существует. Королевские люди прогрудились целую ночь для того, чтобы его разобрать и уничтожить.

Все было ясно. Слова и жалобы не имели значения. Жанна ничего не стала говорить, а ее никто ни о чем не спрашивал.

Карл VII пробыл в Сен-Дени до 13 сентября. В этот день, разослав по главным городам севера циркуляры, в которых он объяснял свой внезапный отъезд желанием собрать за Луарой большое войско, король двинул на юг.

21 сентября армия освобождения после трехмесячного похода снова вступила в город Жьен.

Архиепископ Реймский глубоко сидел в мягком уютном кресле, вытянув ноги к решетке камина. В комнате был полумрак. В этот холодный осенний вечер, когда вихрь рвал крыши с домов бедноты, а ливень хлестал мостовую, прикорнуть здесь, у камина, было особенно приятно.